

УДК 81'26

UDC

DOI: 10.17223/18572685/75/6

Библейские имена и русинская «формула невозможного»*

В.М. Мокиенко¹, Т.Г. Никитина²

^{1,2} Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

¹ E-mail: mokienko40@mail.ru

² E-mail: cambala2007@yandex.ru

Авторское резюме

Библейский именовослов русинского языка достаточно велик, чтобы стать основой крылатых слов, пословиц и поговорок. Некоторые из них сохраняют свою прямую семантическую привязку к сакральному первоисточнику – таковы, например, *знає го Сятый Петро* и *Не мож служити Бѳгу и Мамоні*. Большинство же таких имён получили региональное осмысление. Таковы имена святых, ставших праностиками, т. е. метеорологическими ориентирами: *на Иля черево ги кобыля*, *На Пётра ледва душа тепла (на Петра уже ледвы душа тепла)*, *Дав Бог Юря, не замерзне куря*, *Не усе в нигілю Петра*. Семантическая переориентация некоторых из них порождена народными представлениями о соответствующих библейских персонажах – ср., например, *Миколай трясе бородѳв*, соответствующее украинскому и русскому фразеологизму *білі мухи літають*, *белые мухи летают*, характеризующему появление первого снега. Иногда такие представления опосредованы фольклорной (например, песенной) традицией – как в случае с оборотом *говорити на бум лазаря*. Еще большее семантическое перевоплощение наблюдается в случаях, когда происходит, в сущности, десакрализация имени в русле народной «смеховой культуры» (М.М. Бахтин). Именно таким путем создаются темпоральные фразеологизмы *На жидьўські Петра* и *До жидьўських Петрув* – ‘никогда’. В словаре Д. Попа к ним приводятся украинские и

* Исследование выполняется за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00252, реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете) «Библейское наследие восточнославянских языков в лингвокультурологической и лексикографической интерпретации (Большой русско-белорусско-украинско-русинский словарь библеизмов)».

русские эквиваленты на *Миколи та й ніколи, после дождичка в четверг и дождись Юрьева дня, когда рак свиснет*. Собственно говоря, все они являются фразеологизмами-оксюморонами, которые П.Г. Богатырев (1962) назвал фольклорной «формулой невозможного». Эта формула встречается в пословицах и поговорках, в сказках и былинах, в народной песне и драме, в заговорах и загадках. В каждом из этих жанров она, естественно, имеет свою эстетическую функцию и художественную специфику. В основе такого «оксюморона в действии» лежит недействительный, абсурдный факт. Особо функциональной, можно сказать, «самодостаточной» является «формула невозможного» в малых формах (simple forms) фольклора. В паремиологии формула невозможного является иронически-шутливой поговоркой, типичным видом народной фразеологии с такими характерными признаками последней, как раздельнооформленность, семантическая слитность (т.е. сводимость к значению 'никогда') и экспрессивность, порожденная неправдоподобным образом. Вот почему фразеологический фонд многих народов изобилует выражениями этого типа. Приводимые русинские темпоральные фразеологизмы с библейскими именами относятся именно к таким паремиологическим универсалиям. Их круг расширяется и за счет оборотов со значением 'никогда', образованных интеграцией иных компонентов: *на сяті нігда* (укр. *як рак у полі свисне*, рус. *после дождичка в четверг*); *за Ференц Йёвшки* (укр. *за царя Тимка, коли земля була тонка*, рус. *при царе Горохе*); *Такі розумняки были ищи за Марії Тирийзії*; укр. *Такі розумняки були ще за царя Тимка*, рус. *Такие умники были еще при царе Горохе*); *коли на горі рак свисне* (укр. *на Миколи та й ніколи*; рус. *на то лето, не на это, а на третий год, когда черт умрет*); русин. *коли ріка удг'орі ся вберне* (укр. *тоді то буде, як ся догори вода оберне*; рус. *в Вознесенье, в оно воскресенье*). Ср. также русинские фразеологизмы близкого типа, образованные по той же универсальной «формуле невозможности»: *Кобы каждый був богатый, ба ко бы бідовов*; *Кобы не жона и діти, лем у к'орчмі бы сидіти*; *Кобы свіня роги мала, та бы світ перевернула*; *Кобы сонце знало, як тяжко робити, оно бы ся измыгало скоро заходити*; *Кобы чиядник знав навперед, стораз бы ся вшиткого варовов*; *Кобы чиядник знав, де впаде, заголовок бы постелив* и под. Русинским поговоркам этого типа предлагается комплексный анализ на фоне сопоставления с другими языками. Затемнённая образность некоторых из них раскрывается и комментируется.

Ключевые слова: русинский язык, паремиология, фразеология, библеизмы с именами собственными, сопоставительная паремиология

Biblical names and the Rusin "formula for the impossible"*

Valerii M. Mokienko¹, Tatiana G. Nikitina²

^{1,2} St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

¹ E-mail: mokienko40@mail.ru

² E-mail: cambala2007@yandex.ru

Abstract

The list of biblical names in the Rusin language is large enough to become the basis of winged words, proverbs, and sayings. Some of them retain their direct semantic connection to the sacred source – such, for example, is *znae go Syatyy Petro* and *Ne mozh sluzhiti Bōgu i Mamoni*. Most of these names have received a regional meaning. Such are the names of the saints who became weather lore sayings: *na llya cherevo gi kobylya*; *Na Pétra ledva dusha tepla (na Petra uzhe ledvy dusha tepla)*; *Dav Bog Yurya, ne zamerzne kurya*; *Ne use v nirilyu Petra*. The semantic reorientation of some of them comes from popular ideas about the corresponding biblical characters – cf., for example, *Mikolay tryase borodōv*, corresponding to the Ukrainian and Russian phraseological units *bili mukhi litayut'*; *belye mukhi letayut*, relating to the first snow. Sometimes such representations are mediated by folklore (for example, song) tradition – as in the expression *govoriti na bum lazarya*. Even greater semantic reimagining is observed in cases of desacralized names in line with the folk “culture of laughter” (Mikhail Bakhtin). This is the way how the temporal phraseological units *Na zhid'ys'ki Petra* and *Do zhid'ys'kikh Petryŭv* with the meaning ‘never’ are created. Dmitry Pop's Dictionary contains their Ukrainian and Russian equivalents *na Mikoli ta y nikoli*; *posle dozhdichka v chetverg*; *dozhidaysya Yur'eva dnya*; *kogda rak svisnet*. In fact, they are all oxymoronic phraseological units that Petr Bogatyrev (1962) called the folklore “formula for the impossible”, which is found in proverbs, sayings, fairy tales, epics, folk songs and dramas, charms, and riddles. In each of these genres, this formula has its own aesthetic function and artistic specificity. This “oxymoron in action” is based on an invalid, absurd fact. Especially functional, we can say “self-sufficient” is the “formula for the impossible”

* The study is supported by the Russian Science Foundation (Project No. 23-18-00252, implemented at St. Petersburg State University) “The Biblical Heritage of the East Slavic Languages in Linguistic, Cultural and Lexicographic Interpretation (Big Russian-Belarusian-Ukrainian-Rusyn Biblical Dictionary).”

in small (simple) forms of folklore. In paremiology, the formula for the impossible is an ironic and playful saying, being typical of folk phraseology with such characteristics of the latter as fragmentation, semantic cohesion (i.e., reducibility to the meaning 'never'), and expressiveness generated in an implausible manner. That is why the phraseological fund of many nations abounds with expressions of this type. The given Rusin temporal phraseological units with biblical names refer precisely to such paremiological universals. Their scope is also expanding due to phrases with the meaning 'never', formed by the integration of other components: *na syati nirda* (Ukrainian *yak rak u poli svisne*; Russian *posle dozhdichka v chetverg*); *za Ferents Yövshki* (Ukrainian *za tsarya Timka, koli zemlya bula tonka*; Russian *pri tsare Gorokhe*); *Taki rozumnyaki byli ishchi za Marii Tiriyzii* (Ukrainian *Taki rozumnyaki buli shche za tsarya Timka*, Russian *Takie umniki byli eshche pri tsare Gorokhe*); *koli na gori rak svisne* (Ukrainian *na Mikoli ta y nikoli*; Russian *na to leto, ne na eto, a na tretiy god, kogda chert umret*); Rusin *koli rika udgóri sya vberne* (Ukrainian *todi to bude, yak sya dogori voda oberne*). Cf. also Rusin phraseological units of a similar type, formed according to the same universal "formula for the impossible": *Koby kazhdyy byv bogatyy, ba ko by bidovov*; *Koby ne zhona i diti, lem u kórchmi by siditi*; *Koby svinya rogi mala, ta by svit perevernula*; *Koby sontse znalo, yak tyazhko robiti, ono by sya izmygalo skoro zakhoditi*; *Koby chilyadnik znav navpered, storaz by sya vshitkogo varovov*; *Koby chilyadnik znav, de vpade, zagolovok by posteliv*. The article offers a comprehensive analysis of Rusin sayings of this type compared with other languages. The obscure imagery of some of them is revealed and commented on.

Keywords: Rusin language, paremiology, phraseology, biblicalisms with proper names, comparative paremiology

Біблейський іменослов русинського мови достатньо велик, щоб стати основою крилатих слів, пословиць і поговорок. Деякі з них зберігають свою пряму семантичну прив'язку до сакральному первоисточнику – такові, наприклад, *знає го Сятий Петро* і *Не мож служити Бóгу і Мамоні*. Більшість же таких імен отримали регіональне осмислення. Такові імена святих, ставших праностіками, т. е. метеорологічними орієнтирами: *на Иля черево ги кобыля*, *На Пётра ледва душа тепла (на Петра уже ледвы душа тепла)*, *Дав Бог Юря, не замерзне куря*, *Не усе в нигілю Петра*.

Русинська пословиця *На Иля черево ги кобыля* в словаре Д. Попа визначається з допомогою української і російської пареміологічної паралелі в *Петрівку мухи роблять на панів, а в Спасівку на себе – муха кусает до Ильина дня, питається: после Ильи запасается* [21: 156]. Імплицитно тем самим вона характеризує «сытий» період літа, коли йде збір урожаю, отчого і животи едоков насичаються повністю.

Библейское имя *Илья* давно уже попало в официальный список христианских личных имён, восходящих к др.-евр. имени 'Ēlīyah [Элиия, Элийяху] – «Яхве – мой Бог»). В Ветхом Завете это, прежде всего, имя пророка Фесвитянина, т. е. родом из Фесвы в Галааде (3 Цар 17:1). Илия и Моисей, пророк и законодатель, явились Иисусу при его преобразении (Мк 9:4 и сл.). Этим именем в Библии также назывались вениамитянин, сын Иерихама, живший в Иерусалиме (1 Пар 8:27), священник из рода Харима [24: 304–395]. Именно имя пророка Фесвитянина с сакральным этимологическим смыслом «Яхве – мой Бог» обрело в славянском языковом сознании особую значимость, обрастая в народной речи многоплановыми коннотациями и порождая многообразные обряды и верования (авт. О.В. Белова) [29, 2: 405–407]. Причина этого – в народном «двоеверии». «В русской православной традиции отчетливо прослеживается отождествление христианских святых с некоторыми языческими божествами, – констатирует В.И. Коваль. – Например, святой Илья воспринимался простым народом как христианское “продолжение” языческого бога Перуна; роль и функции святого Георгия (Георгия-Победоносца) соотносились с культом языческого бога Ярилы; почитание святого Николая или святого Власия – с культом “народного” бога Велеса, святой Параскевы (Параскевы-Пятницы) – с культом богини Мокоши» [10: 17]. Представление об этом культе у русин восходит именно к этому древнему двоеверию. День пророка Илии (*Илія пророка*) здесь приурочен к началу периода жатвы: *Илія (Иля) начинат жниво и кончат літо* – Ильин день начинается жатву и кончает лето, а *Иляшний місяц* – это август. Ср. *докучливый як иляшна муха* – пристал как банный лист [7, 2: 379]. Мифологема же *Илій (Иля)* в русинском языке устойчиво связывается с громом и молнией: *Илій (Иля) ня (тя) бий!* – Разрази меня гром! Гром и молния! [7, 2: 379]. Благодаря таким языческим реминисценциям имя *Илья* активно обогащало фольклор, нередко далеко отходя от исходного сакрального канонического смысла.

Разнообразие таких представлений у русин и украинцев запечатлено в паремиологическом собрании И. Франко [34, 2: 292–293], где под компонентом *Ілля* описываются пословицы и поговорки, так или иначе приуроченные к народному календарю: *До Іллі рій під гилі, а по Іллі рій на гилі* «В часі коло Іллі пчоли рояться»; *Іллі громове свято* «Вірять, що св. Ілля громами завідує і що його празник головна пора громів»; *Лиш до Іллі добрі білі* «Білі – рід грибів гіркого смаку. Вони однаково недобрі по Іллі як і перед Іллею, але по Іллі вже ростуть інші, кращі, то білих ніхто не бере»; *На Іллі новий хліб на столі; Ни запряде до Іллі, то ни буде у млині* «Мова про кукурузу, що до Іллі повинна вже запрясти шульки, а то потім у осени вимерзн»; *Тільки*

до Іллі добрі рої, а по Іллі повісь роя на гилі «Ті, що пізніше вирояться, вже не здужають назбирати собі поживи на зиму і звичайно потім гинуть»; *Як не буде волоти в Іллі, то не буде ся молоти в млині* (Волоть – урожай); *На Іллі перший осінній день* «Так міркують у горах, де не раз швидко після Іллі на верхах паде сніг»: *Святий Іля наробит гниля* «Коли в ту пору сльота, то збіжжя зогниє».

Паралелізм таких представлений характерен для всей Восточної Славії. В русській народній речі, наприклад, вони весьма диференційовані, при цьому зберігаються те жє семантичєскє домінантє, чтє в русинськєй, українськєй і белорусськєй «погоднєй» пареміології. Здєсь такжє св. Ільє, будучи, по народній традиції, повелитєлєм грома і дождя, от которого зависит плєдородіє і урожай, логічно вписался і в соотвєтствующий період народнього калєндаря. Естєственнє, чтє Дєнь пам'яті Ільї-пророка приходиться на самий разгар лєта – 20 іюльє, т.є., по ст. стилю, на 2 августє [11, 1: 92]. Отсюда – маса пословиць і поговорок на «калєндарнєй» тєму. Типична, наприклад, ужє приводившєяся архангєльськєя пословична констатация, записанна і в діалєктнєй рєчї псковичєй і уральцєв, чтє с 12 іюльє (т.є. когдє отмєчають днї св. Петра і Павла) по 2 августє (т.є. когдє отмєчають дєнь св. Ільї) днї идуть на убильє, а послє св. Ільї приближєється осєнь¹:

Павєл час убавил, а Ільє-пророк і два уволок. Кар. СРГК 4, 573; 5, 200; *Пєтр і Павєл час убавил, [а] Ільє-пророк [на] два уволок.* Пск. (Пытал.), Урал. Кор. 2000, 1, 92; Бир. 1960, 24; *Ільє-пророк два часа уволок к ночи, а Пєтр і Павєл дєнєк убавил.* Орл. СОГ 10, 26; *Пєтр і Павєл час ночи прибавил, а Ільє-пророк два часа уволок; Пєтр і Павєл час ночи прибавил, а Ільє-пророк два часа днєя уволок.* Р. Урал (1976), Твер. СРНГ 46, 183; ТПП 1993, 13; *Первый Спас час припас, Петр и Павел два прибавил, а Ільє-пророк три приволок.* Д 2, 41; *Пєтр і Павєл полднєя прибавил, а Ільє-пророк і совсєм уволок.* Пск. ПОС 26, 88; *Пєтр да Павєл дєнь убавил, а Ільє-пророк два уволок.* Кубан. ППЗК 2000, 69; *Пєтр да Павєл дєнь уплавил, а Ільє-пророк дак і совсєм уволок.* Ленингр. (2005). СРНГ 47, 258. < Дєнь уплавить – о сокращєнии продолжитєльності днєя; *Пєтра-Павєл дєнь убавил, а Ільє-пророк час уволок.* Пск. ПОС 26, 88; *Пєтр-Павєл днєя убавил, а Ільє-пророк і упряжку уволок.* Сєлигер. Сєлигер 2017, 7, 364; *Ільє-пророк дыру прожєг, а Петр и Павел ещє поприбавил.* Помор. Мерк. 1997, 16. < Сказано шутливо о прожжєннєй дырє на одєждє. Мерк. 1997, 133; *Петру і Павлу дєнь уноси, а Ільє пророк ночь приноси.* Пск. ПОС 26, 88.

Некєторєє пословицьє прямо характеризують дєнь св. Ільї як рубєж, роздєляющий лєто і осєнь: *На Ільє до обєда лєто, послє*

обеда осень. Д 2, 41. Ср. также: *Илья бараний рог.* Народн. О дне Св. Ильи (2 августа). ДП, 889.

Отсюда – календарные предупреждения о первых холодах, граде и даже появлении льда:

Пётр с колоском, Илья с холодком. Сергеева 2016, 177; *Илья опускает в речку камешек холодный.* Пск. (Пытал.) Кор. 2000, 1, 92. < Примета; *Илья даёт гнилья.* Пск. (Пытал.) Кор. 2000, 1, 92; *Илья принесёт гнилья.* Селигер. Селигер 2004, 2, 180. < О непогоде после Ильина дня; *Придёт Илья, принесёт гнилья.* Д 2, 41; *Твер.* ТПП 1993, 17; *Илья-пророк выбивает градом хлеб у тех, кто обмеряет.* ДП 2, 31; *В Илью Господь ильдинку бросает – холодно.* Пск. (Латгал.). Примета; *После Ильи Бог в воду кидает пуд льда.* Пск. (Кун.) СПП 2001, 131. < *Илья – день св. Ильи (Ильин день) – 2 августа.* СПП 2001, 131; *На Илью Бог в воду лядунку пускает.* Ряз. (Мещ.) Сл. Мещ. 1, 205. < *Лядунка – льдинка; Илья-пророк лединку (ледышинку) пускает (пускает).* Урал. (Яицк.) Мал. 2002, 2, 352. < На Ильин день (02.08) начинается похолодание, и нельзя купаться.

Если до Ильинок можно было ходить, не думая о холодах, ходить легко одетым (ср.: *До Ильи хоть хлыстом захлеши.* Д 2, 41; *До Ильи хоть одним зубом подери.* Д 2, 41), то после них, при таких погодных изменениях необходимо одеваться потеплее:

До Ильи – хоть разденься, после Ильи – в шабур оденься. Д 4, 29.

День св. Ильи также являлся ориентиром полевых работ, особенно окончания жатвы:

Илья-пророк копны считает. Д 2, 41; *Пророк Илья лето кончает, жито зажинает.* Сергеева 2016, 177; *Не скоро Илья – дожду и я.* Брян. СБГ 5, 26. < *Дождать – окончить жатву, дождать до конца; Не сегодня Илья – справлюсь и я.* Пск. (Кр.) СПП 2001, 131; *Дней-то не решето, и не сегодня Илья, справлюсь и я.* Пск. СПП 2001, 129; *Как Илья, так и я.* Сок., 186; *Троица с листом, а Илья с просвирой (на сенокос просвирки).* Сев. Примета. СГРС 7, 298; *Придёт Илья – пройдёт моя гулья, пройдёт Спас – не увидишь моих глаз.* Помор. Мерк. 1997, 127; *Пройдёт Илья – пройдёт моя гулья, пройдёт Спас – не увидишь моих глаз.* Помор. Мерк. 1997, 26.

Как видим, в общем русле такого развития семантики этого имени – и русинская поговорка *На Иля черево ги кобыля.* Не случайно также в русинской паремиологии наблюдается и уже отмеченная «переключка» имён св. Ильи и св. Петра: *На Пётра ледва душа тепла (на Петра уже ледвы душа тепла), Дав Бог Юря, не замерзне куря, Не усе в нигілю Петра.*

Семантическая переориентация некоторых из таких русинских паремий порождена народными представлениями о соответствующих библейских персонажах – ср., напр., *Миколай трясе бородѡв,*

соответствующее украинскому и русскому фразеологизму *білі мухи літають, белые мухи летают*, характеризующему появление первого снега. Иногда такие представления опосредованы фольклорной (например, песенной) традицией – как в случае с уже упомянутым оборотом *говорити на бум лазаря*.

Ещё большее семантическое перевоплощение некоторых библейских имён наблюдается в случаях, когда происходит, в сущности, их десаκραлизация в русле народной «смеховой культуры» (М.М. Бахтин). Именно таким путём создаются темпоральные фразеологизмы *На жидьўські Петра* [21: 156] и *До жидьўських Петрув – ‘никогда’* [21: 108]. В словаре Д. Попа к ним приводятся украинские и русские эквиваленты *на Миколи та й ніколи, после дождичка в четверг* и *дождидайся Юрьева дня, когда рак свиснет*. Собственно говоря, все они являются фразеологизмами-оксюморонами, которые П.Г. Богатырев [1: 362] назвал фольклорной «формулой невозможного» или «оксюмороном в действии».

Формула невозможного является своеобразной фольклорной универсалией, встречаясь в самых разных языках, например, в немецких и английских темпоральных фразеологизмах [39]. В качестве темпоральной характеристики со значением ‘никогда’ она развивает большую активность и метафорическое многообразие и встречается в пословицах и поговорках, в сказках и былинах, в народной песне и драме, в заговорах и загадках. В каждом из этих жанров она, естественно, имеет свою эстетическую функцию и художественную специфику.

Известно, какую роль играют начальные и финальные формулы в сказках, где с их помощью сам рассказчик подчёркивает недоверительность, фантастичность и выдуманность своего повествования. Начальная формула становится важным хронологическим аккордом сказки: она настраивает слушателя на «сказочный» лад, отрицая то, что утверждается остальными элементами повествуемого. Отрицательная сила такого аккорда создаётся, как правило, за счёт ярких, во многом иронических образов, которые являются, в сущности, фразеологизмами из жанра «формулы невозможного» типа *Когда блохи ходили на богомолье; Когда яйца варили во льду; Когда груши росли на тополях, а фиалки на ракитах* [25: 23–25]. Такие же «формулы невозможного» активно функционируют и в других жанрах фольклора, например, в заговорах. С.М. Толстая подчёркивает их сущностную «формульность, т. е. наличие в их структуре клишированных фрагментов, устойчивых в своем содержании (мотивах) и языковой форме, повторяющихся во многих текстах» [33: 76]. При этом, анализируя формулы аномальности в сербских заговорах, она замечает: «Хорошо изучена также “формула невозможного”: “Кад пребрјојале: на небо звијезде, у море пијесак, на пијесак капље, на

псу длаке, на гори гране, на гране лишће, на лишће росу, и под росом свакој живиници косу; онда мене наудиле” (Раденковић 1982: № 57). Невозможность, недостижимость, нереальность названных действий должна сделать невозможной и опасную ситуацию» [33: 154].

Особо функциональной, можно сказать, «самодостаточной» является «формула невозможного» в малых формах (simple forms) фольклора. В паремиологии «формула невозможного» является иронически-шутливой поговоркой, являясь типичным видом народной фразеологии с такими характерными признаками последней, как раздельнооформленность, семантическая слитность (т. е. сводимость к значению ‘никогда’) и экспрессивность, порождённая неправдоподобным образом. Вот почему фразеологический фонд многих народов изобилует выражениями этого типа. Так, только в болгарской фразеологии можно найти свыше 50 таких оборотов. При всем их количественном многообразии они довольно компактны по форме и содержанию и, как было показано автором этих строк [14: 313–315], сводимы к пяти основным структурно-семантическим моделям:

1. ‘Тогда, когда что-либо вырастет там, где оно никогда не растёт’.

2. ‘Тогда, когда кто-либо, абсолютно неподходящий для какой-либо деятельности, станет ею заниматься или превратится в того, кто ею занимается’.

3. ‘Когда кто-либо воскреснет из мёртвых или после смерти того, от имени кого идёт речь’.

4. ‘Когда кто-либо сможет увидеть ту часть своего тела, которую увидеть невозможно’.

5. ‘В день, который либо никогда не может наступить, либо является «несерьёзным», «несвятым» праздником’.

Универсальность таких фразеологических моделей «формулы невозможного» подтверждается материалом многих европейских языков. Особое внимание ей уделили германисты, ибо обилие немецких фразеологических и диалектных словарей обеспечивает необходимую полноту и глубину анализ такой формулы. В специальной монографии Л.М. Рязановский [27] провёл фронтальное исследование фразеосемантического поля времени на материале его ядерных микрополей со значениями «Никогда» и «Давно» и, применив метод структурно-семантического моделирования, продемонстрировал возможности идеографического подхода, связанного с историко-этимологическим анализом. Для поля «Никогда» им были выделены такие структурно-семантические модели (ССМ), аналогичные выше приведенным славянским [27: 24–53]:

1. ССМ 1: *am Sankt Nimmerleinstag; zu Winterpfingsten; am 32 auf Pflaumenpfingsten.*

2. CCM 2: *zu Pfgingsten auf dem Eise; am zweiten Tage nach dem ersten Schnee; tausend Jahre nach der Ewigkeit; zwischen Pfgingsten und Basel.*

3. CCM 3: *wenn Ostern und Pfgingsten auf einen Tag fallen; wenn es Gulden regnet; wenn die Kühe auf Stelzen gehen; wenn der Teufel stirbt.*

4. CCM 4: *auf Nimmerleinstag; wenn der Charfreitag auf den Gründonnerstag fällt; auf Nimmerstag, wenn es Salz regnet; zu Pfgingsten, wenn die Esel auf dem Eise tanzen; auf Nimmerlestag, wenn man ein sechzigjährigen Bader findet, der nie geschwitzt...*

При всём разнообразии конкретных языковых воплощений «формулы невозможного» она являет собой и заметное структурно-семантическое единство, обеспечиваемое оксюморонным смыслом. Это создаёт возможности ее структурно-семантического моделирования при межъязыковом сопоставлении этой малой формы фольклора. Примером такой лингвистической процедуры может служить и анализ русинских фразеологизмов со значениями 'никогда' и 'очень давно' на общеславянском фоне. Русинский (или карпаторусинский – А.Д. Дуличенко) язык, находясь на границе восточнославянского и западнославянского ареального пространства, относится к так называемым малым славянским языкам, но при этом лингвистическая реконструкция и сопоставления с другими славянскими языками обнаруживают в нём и праславянские лексические единицы [15]. Поэтому и русинская фразеология, в том числе и избранного здесь семантического поля «Никогда», обнаруживает немало сходств с аналогичными выражениями других восточнославянских и западнославянских языков.

Материал для такого анализа демонстрирует структурно-семантические модели «формулы невозможного», аналогичные тем, которые были выявлены на основе русской фразеологии. Сопоставительный их анализ подтверждает в какой-то мере и особый межславянский статус русинского языка, в основе своей восточнославянского, но имеющего и некоторую «перекличку» с западнославянским ареалом. Общая картина здесь выглядит следующим образом:

1) Поговорки широкого межславянского ареала – *Коли ріка удгбрі ся вберне, Коли баба дьўкѡв была.*

2) Поговорки восточнославянского ареала – *Коли на горі рак свисне, коли золото всплывать, Нигда не буде из Ивана пана.*

3) Собственно русинские поговорки – *Нигда из пса солонина не буде; На жидьўські Петра; До жидьўських Петрѡв; Заплатить ти фрас.*

Поговорки из этих групп русинской «формулы невозможности» здесь детализировано сопоставляются с аналогичным материалом других славянских языков. Выявляются типичные структурно-семантические модели этой формулы.

Так, выражение *Коли ріка удгори ся вберне* прямо соотносится с укр. *Тогди то буде, як ся догори вода вберне; Тогди то буде, як вода гори берегами потече*. Аналогичную поговорку находим в белорусском малом фольклоре: *Калі вада найпроць пойдзе, тады гэта праўда будзе* [4, 2: 313].

В русской народной речи по этой модели образованы такие фразеологизмы, как *Когда реки вспять пойдут* [30: 361] и *Когда Волга вверх потечёт* [26: 141].

Украинская параллель этой русинской формулы *Буває порою, що вода тече горою!* построена по всем правилам «формулы невозможного». Не случайно известный украинский фольклорист М.М. Пазяк включил его в раздел «Каламбуры, бессмыслицы» (Каламбури, нісенітниці) своего четырёхтомного паремиологического тезауруса [23, 3: 352–358]. Их коллекция (приводимая здесь лишь частично) поражает не только своей образностью, но и количеством:

– *Буває порою, що вода тече горою! Буває, що й ведмідь літає; Буває, що й муха чхає; Буває, що й слон літає; Буває, що й новий птах старої пісні співає; Буває, що й теля вовка хапає; І так буває, що віця вовка з'їдає;*

– *Тогди то буде, як ся догори вода вберне; Тогди то буде, як вода гори берегами потече; Це тоді буде, як на долоні волосся виросте; Тоді то буде, як на моїй долоні волосся виросте; Тоді буде, як на вербі будуть грушки рости;*

– *Буде тоді, як рак свисне; На Юри, як рак свисне; Тоді будеш бачить, як рак свисне; Це тогди буде, як рак на дубі свисне; Тоді буде, як рак свисне; Це тоді буде, як рак свисне; ...як рак на горі свисне; Як рак на дуба вилізе, тогди то сі стане; Тоді то буде, як п'явка крикне; Це тоді буде, як у курки зуби виростуть;*

– *Тоді це буде, як дві неділі разом зійдуться; ...як ся дві неділі разом зійде; Тоді то буде, як свині з череди йтимуть; То тоді було, як вовк був собакою, і хвостом брехав; То буде на кінський Великдень; То буде, як на камені пісок зійде; Тоді то буде, як мій татуню з тамтого світа верне; Тогди то буде, як ся моя бабуня з того світа верне; Тогди то буде, як своє вухо побачиш; Відколи світ настав, то рак не свистав; Після дощукі в четвер рак свисне.*

– *Наговорив бабці в капці, а дідові в ходаки; Наговорила: на осиці кислци, а на вербі груші; Наговорив на вербі груш, а на осиці кислци...*

Украинские поговорки *Буває порою, що вода тече горою!* *Тогди то буде, як ся догори вода вберне; Тогди то буде, як вода гори берегами потече* не только «компатибельны» с русинской «формулой невозможного», но и позволяют расширить ее ареал и генетически связать ее с западнославянскими пословицами типа чеш. *Kam dolov prokorá,*

tam voda teče, Voda kam ji prokopá, tam poteče; Kam voda má spad, ta tečie, известными с XV в. и имеющими параллели с нем. *Das Wasser läuft immer das Berg hinab* [3, 2: 792–793]. Ср. рус. *Где вода была, там и будет; куда денга пошла, там и скопится*; болг. *Дето е текла вода, пак ще потече*; нем. *Das Wasser fließt, wo es früher geflossen*; фр. *L'eau va toujours à la rivière; L'eau va à la rivière* и под. [36: 214–215] и под.

Русинская поговорка *Коли баба дьўкѡв была* родственна рус. *давно, когда ещё баба девкой была* 'очень давно' [5: 205] и белор. *Не будзе баба дзеўкаю* [4, 2: 79]; *Успомніла баба, што дзеўкай была* [4, 2: 94]. Ср. закарпатскую поговорку *Добре було тоді, коли баба дівкою була* [23, 2: 145] или рус. *В старые годы бывало, а баба кашу едала* [37: 509].

Как показывают примеры из славянских и неславянских языков, «формула невозможного» является универсалией, построенной на оксюмороном «единстве противоположностей». При всей универсальности она в то же время в каждом из языков может иметь свою национальную маркированность, создаваемую оригинальным образом и собственной лингвокультурной традицией. Именно с этой точки зрения можно рассматривать приведенные русинские темпоральные паремии с библейскими именами. С одной стороны, они, несомненно, относятся к паремиологическим универсалиям, образованным по формуле невозможного. С другой стороны, конкретный анализ их компонентного состава и сопоставление с другими славянским языками показывают их образно-коннотативную оригинальность.

Такой анализ требует расширения круга таких паремий и за счет оборотов со значением 'никогда', образованных интеграцией иных компонентов: *на сяті нігда* (укр. *як рак у полі свисне*, рус. *после дождичка в четверг*); *за Ференц Йѡвшки* (укр. *за царя Тимка, коли земля була тонка*, рус. *при царе Горохе*); *Такі розумняки были ищи за Марії Тирийзії*, укр. *Такі розумняки були ще за царя Тимка*, рус. *Такие умники были еще при царе Горохе*); *коли на горі рак свисне* (укр. *на Миколи та й ніколи*; рус. *на то лето, не на это, а на третий год, когда черт умрет*); *коли ріка удгѡрі ся вберне* (укр. *тоді то буде, як ся догори вода оберне*; рус. *в Вознесенье, в оно воскресенье*). Ср. также русинские фразеологизмы близкого типа, образованные по той же универсально «формуле невозможности»: *Кобы каждый був богатый, ба ко бы бідовов*; *Кобы не жона и діти, лем у кѡрчмі бы сидіти*; *Кобы свіня роги мала, та бы світ перевернула*; *Кобы сонце знало, як тяжко робити, оно бы ся измыгало скоро заходити*; *Кобы чиядник знав наперед, стораз бы ся вшиткого варовов*; *Кобы чиядник знав, де впаде, заголовок бы постелив* и под.

Именно в этом «плавильном котле» русинской паремиологии со значением 'никогда' были сформатированы выражения с компонентами-библейскими именами *На жидьўські Петра* [21: 19, 156] и *До*

жидѹських Петрѹв [21: 66, 08] к которым приводятся украинский эквивалент *на Миколи та й ніколи* и русский *дожидайся Юрьева дня*. История образования каждого из них различна, но, тем не менее, подчинена закономерностям структурно-семантического моделирования межславянского фразеологического пространства. Главное же – каждая из этих темпоральных «формул невозможного» отражает глубокое и своеобразное проникновение духовного христианского наследия в народное славянское сознание.

Русинские фразеологизмы основываются на знании сакральной и календарной символики одного из главных святых Евангелия – апостола Петра, который был наиболее близким учеником Христа. Не случайно в легенде, записанной на Буковине, св. Пётр предстаёт в качестве «двойника» Христа, внешне похожего на него. А как ближайший наперсник своего учителя, Пётр даже пробует заменять Бога в делах, но терпит неудачу [29, 4: 23]. В Закарпатье записаны многие апокрифические легенды, связанные со св. Петром: он спасает хлебный колос от уничтожения, уменьшает хлебный колос в наказание за непочтительное отношение людей к хлебу; совместно с Христом творит свет; они награждают бедных; лишают отказавшую им женщину досуга; превращают в жабу жадную хозяйку или грубого хозяина; крадёт у черта огонь; запускает мельничное колесо; разнимая дерущегося черта и иудея, перепутывает им головы [29, 4: 23–24]. Понятно, что такое наслоение легенд могло возникнуть лишь на основе глубокого знания исконных, библейских представлений о св. Петре. Значимость св. Петра подчёркнута русинским выражением *знає го Сятий Петро*, к которому даются украинские и русские эквиваленты со словом *Бог*: *а Бог його знає* и *а Бог его знаєт* [21: 122]. Не случайно поэтому в русинско-русском словаре И. Керча отражены именно такие представления:

Пётр (Петер) – Петро. Сесі рыбарёве, Петр Андрій, коли послушали слово Христово, потум кулько рыбы имили = эти рыбаки, Пётр Андрей, когда послушали слово Христово, потом столько рыбы наловили.

Петра, pl. tant. (церк. 26/06–12/07) – день первоверховных апостолов Петра и Павла; Петров день (нар.); *да коли ту на Петра ходили панове = сюда когда-то в Петров день приходили господа; **по Петрових двур пустий, а поле густое = после Петрова дня новый урожай кормит.

Петровка (*церк; пятьтыжднёвый пуст) = Петров пост. (*овоч) – груша, созревающая в начале июля; *май слабо держит петровку, бос перед Петрих буват майтяжа у році робота; копаня и косьба = меньше всего соблюдают Петров пост, потому что тогда бывает самая тяжёлая в году работа: прополка и сенокос. [7, 2: 77].

Здесь, как видим, на первом месте поставлено библейское предание о том, как Симон Петр со своим братом Андреем был рыбаком на Геннисаретском озере и обратился к вере по призыву Иисуса, сказавшем им: «Идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков» (Мф 4: 19–20). Особое место в словаре И. Керча справедливо отведено календарному обозначению *Петров день*, с точной датой и народной характеристикой. Ср. также **Петра** – «християньске свято на честь апостолів Петра й Павла (12 липня). *На Петра вода тепла*» и **Петрувка** – «піст из 3 червня до 11 липня перед християньским святом Петра» [28: 228].

Действительно, этот день – одна из ключевых дат летнего цикла в народном календаре восточных (и отчасти южных) славян, которая имеет много общего и с Ивановым днем, и другими праздниками середины лета. В то же время Петров день считался календарной границей года, после которой в природе начинались изменения, предвещавшие приближение осени. По гуцульским поверьям, св. Петр хранит ключи от земли весь год и лишь весной их у него забирает св. Юрий, а в Петров день ключи вновь возвращаются к Петру и тогда наступает осень [29, 4: 25]. Эту «предосеннюю» характеристику отразили русинская пословица *на Петра уже ледвы душа тепла* и ее украинский и русский эквиваленты *на свято Петра і Павла уже ледве живий та теплий* и *На празник Петра и Павла уже еле душа в теле* [21: 47]. Ещё более детализирована эта характеристика в подборке подобных паремий, зафиксированных И. Франко [34, 2: 701–703] и снабжённых его лапидарными комментариями. Приведем лишь те из них, которые связаны с интересующей нас календарной семантикой:

Говори Петре, пока тепле і зуби ще не залепли «Поки справа свіжа і поки тобі землю не закидали уста, поки живеш»;

Їдж, Петре, поки тепле! «Бо як застине, то не буде добре»;

Хапай, Петре, поки тепле!; *На Петра вари половина зими* «Свято Петра вериги припадає на день 16 січня старого стилю»;

На Петра вериги гріх прати «Народне вірування»; *На Петра-вериги розбиваються криги* «Починається відталь, в часі лагідної зими»; *На Петра вериги не перут* «Народний звичай»; *Петра вериги або поставит, або полонит криги*; ср. бойк. *Петра вериги або поставит або полонит криги* [20, 2: 58].

Не все в неділю (в середу) Петра «Коли свято Петра і «Павла випаде в середу, можна їсти з набілом»;

Не йде до Петра, іно до Різдва «Говорять про другу половину року, по празниці Петра й Павла, який припадає на день 29 липня (червня) старого стилю»; *Не йде д' Петру, але д' Дмитру* «Варіант до попереднього ч. Свято Дмитра припадає на день 26 жовтня старого стилю»;

Пішло йому (му) з Петрова дня (Петрового дне); Повело му ся, як з Петрової днини «Про чоловіка, якому перестало добре поводитися»; Тебе і святий Петро не загіє; І св. Петро не загіє го «Говорять про змерзлюха. О св. Петрі звичайно найтепліша пора»;

Як на Знесіне цвіт, то на Петра хліб «Господарська приказка. Цвіт розуміється: збіжжя цвіте» [34, 2: 701];

Жнива на Петра, голод коло Різдва «Коли вчасні жнива, то дуже простою логікою віщують вчасний передновок. При тім вчасні жнива показують плохий урожай, отже віщують голод» [34, 2: 175].

Ср. також пословиці с найменуванням Петрова дня – *Петрівки*: *Захотіло му ся в Петрівку змерзлого «Коли хтось забагає чогось неможливого» [34, 2: 701]. Их знаходять і в подольських говорах: захотілось мерзлого в Петрівку; заблаглося змерзлого в Петрівку; хотіти змерзлого в Петрівку; хотіти печеного леду в Петрівку [9: 262].*

Ети пословиці включені і в сводное зібрання української пареміології М.М. Пазяка [23, 1: 392–394], виділяясь при этом закарпатським ареальним простором. Календарний «акцент» відражається в то же время і в українській пареміології різних регіонів:

Раз у рік – Петра;

До Петра молочка відерце, а по Петрові глек та й то неповний; До Петра не є тепла, а по Петрі та й по теплі; До Петра не сподівайся тепла, а по Петрі вже й по теплі; На Петра і душа тепла; По Петру, то й по теплу; По Петрі, то й по теплі: Як по Петрі, то й по теплі;

Коли на Петра сльота, то буде в літі багато болота;

Кожний то знає, що святий Петро колоски підпалює; По Петрі на дворі пусто, а на полі густо; Якщо хліба вродили, то ні Петро, ні Павле їх не віднімуть;

Коли на Петра проса в ложку, то буде в ложці;

Як на Петра у червні погода, то на рівнинах буде урода, але біда мешканцям гір: сонце збіжжя повипалює.

Показательна і «перекличка» Петрова дня с другими календарними датами:

Прийшов Петро – вирвав било, прийшов Ілля – вирвав два, а прийшов спас – бери рукавиці про запас, а прийшла Покрова – на дереві голо; Прийшов Петро – вирвав листок, прийшов Ілля – вирвав і два, а прийшов спас – бери рукавиці про запас, прийшла пречиста – на дереві чисто, прийшла покрова – на дереві голо; На Івана Купала баба муки не мала, на святого Петра пирогів напекла; На Івана нажала, на Петра напекла [23, 1: 392-393].

Як на Петрів день спека, то на Різдво – мороз;

На Петра – колос, на Іллю – жнина;

Йшло до Петра, тепер до Різдва;

За Петра Афонського сонце повертається на зиму, а літо на жару, а з Спиридона Сонцеворота сонце повертає на літо, а зима – на мороз;

Как уже подчеркивалось, календарная функция св. Петра является общей для всех восточных славян. Закономерен поэтому параллелизм многих украинских паремий данного типа с русскими и белорусскими. Он отмечается для некоторых из них и в сводном паремиологическом собрании М.М. Пазяка [23, 1: 393]:

Бабське літо до Петра тільки; Бабине літо тільки до Петра – Рос: Даль, 886; *Від Петра красне літо* – Рос: Даль, 886; *Зозуля кує тільки до Петра, а потім мандрикою вдавиться; Зозуля кує до Петра* – Рос: Даль, 887; біл.: Гр., 1, 104; *Соловейко співає до Петра* – Рос: Даль, 887. Ср. рус. *Не кукується кукушке за Петров день (за Петра)* (Д 2, 215).

И действительно, русские источники фиксируют подобные пословицы с именем св. Петра и соответствующим днем:

Пётр и Павел два прибавил (т. е. два часа дня); кубан. *Пётр да Павел день убавил, а Илья-пророк два уволок*; пск., урал. *Пётр и Павел час убавил, [а] Илья-пророк [на] два уволок*, имеющие в виду 12 июля и 2 августа, когда дни идут на убыль [18: 653]. Корелляция с ветхозаветным пророком Ильей понятна: в народной традиции – он повелитель грома и дождя, от которого зависят плодородие и урожай. День памяти Ильи-пророка – 20 июля [11, 1: 92]. Ср. также *На святого Петра дождь – жито как хвоц*. Д 3, 106; *Коли есть метла да костра, будет хлеб до Петра; а синец да звонец – доведут хлебу конец!* Д 2, 322; Ил. 1915, 319; пск. *Метла да звонец – хлебу конец; костёр да метла – хватит хлеба до Петра*. СПП 2001, 134. Здесь *звонец* и *синец* – сорные травы, которые очень опасны для будущего урожая, если их не уничтожить до Петрова дня, т. е. 8 июля, а *костёр* и *метла* – луговые травы, не столь губительные для посева.

Петровка также и в русской традиции – название поста перед Петровым днём. Отсюда такие пословицы, как ряз. *Петровка – сухая, а Петров день – скоромный*. ДС 1969, 550 или *Петровка – голодовка, а Спасовка – ласовка* СРНГ 16, 278, где *ласовка* – время, когда едят обильно и вкусно. Ср. урал. *С Петровок кукушка всё куковать не станет, а после Егорьева дня куковала, она число знает* Мал. 2002, 3, 179, где *Петровки* – народная календарная дата (от 27 мая по 29 июня ст. ст.).

Белорусские пословицы с именем св. Петра [4, 1: 103–105] по своей календарной семантике соответствуют русинским, украинским и русским:

Пачынай касіць не з Пятра, а калі вырасце трава; Святы Пётра ў косы звоніць, а святы Паўла граблі робіць; Калі на Пятра пойдзець дождж, будзець жыта, як хвошч; Прышоў Пятро – забраў машок у

вядро; Чакай Пятра – з’ясі сыр; Жджы Пятра – пад’ясі сыру; Да Пятра – з макатраг, на Пятры – у макатрыг; На Пятра баба хлеба напакла; Прышоў Пятрок – адарваў лісток; Прышоў Пятрок – апаў лісток, прышла прачыста – апалі ўсе чыста.

Как и в других регионах Восточной Славии, и в белорусском малом фольклоре наблюдается стабильная «перекличка» св. Петра со св. Ильёй: *К Пятру хлеба толькі ў вядру, а на Ілью хоць на печ налію, а як прышоў Спас, будзець хлеба з нас, а ўжо як прышла гаспажа – у нас хлеба поўна дзяжа; Прышоў Пятрок – адпаў лісток, прышла Ілля – адпала два; Прышоў Пятрок – адарваў лісток, прышоў Ілля – нарабіў гнілля; Прышоў Пятрок – апаў лісток, прышоў Ілля – апалі два, прышоў Барыс – асыпаўся ўвесь ліст; Прышоў Пятрок – апаў лісток, прышоў Ілля – апала два, прышоў Барыс – усё пагрыз, прышоў Міхал – усіх з поля паспіхаў; Прышоў Пятрок – апаў лісток, прышоў Ілля – апала два, прышла прачыста – стала чыста; Прышоў Пятрок – адпаў лісток, прышоў Ілля – адпалі два, прышла прачыстая – увесь лес чысты (пачысіла); Прышоў Пятрок – апаў лісток, прышло Лья – упала два, прышло ўспенне – усё абляцела; Прышоў Пятрок – апаў лісток, прышоў Ілья – апала два, прышлі святкі – апалі ўсе лісткі; Прышоў Пятрок – апаў лісток, прышла Ілья – апала два, а восень кажа: «Тут і я»; Прышоў Пятрок – час дня ўвалок, прышоў Ілья-прарок – два часа ўвалок. Ср. также корреляцию св. Петра со св. Кузьмой: *Святы Пятро жыта спеліць, святы Кузьма сякеры робіць, а святы Дзямян сена грабіць; Святы Пятро жыта спеліць, святы Кузьма сякеры робіць, а святы Дзямян сена грабіць.**

Аналогичны представления белорусов и о Петровке: *Пятроўка – галадоўка; Пятроўка – галадоўка, спасаўка – ласаўка; Хто ў пятроўку сена не косіць, той зімою ў сабак просіць.*

Такое обилие паремий «метеорологической» семантики характерно именно для восточнославянского ареала. За его пределами их практически нет – не случайно в собрании И. Франко под рубрикой «Господарське спостереження» [34, 2: 702] лишь для одной пословицы этого типа, зафиксированной в селе Сороки на Львовщине, – *До Петра не сподій сі тепла, а по Петрі вже й по теплі* составитель даёт отсылку на сборник словацких паремий: «*Pop. Zaturecky 227*», где в главе XIII «*Pranostiky a úkazy prírody*» приводится близкая параллель: *Do Petra nit sepla, a po Petre už je po seple* [40: 256]. Показательно, что оно записано в окрестностях городка Шариш (Veľký Šariš) неподалёку от Прешова (Prešov) в Северо-Восточной Словакии, где, как известно, до сих пор существует русинская диаспора. Возможно, это влияние русинского языка на словацкий, ибо подобные паремии и в капитальных паремиологических собраниях чешского и польского языков отсутствуют.

На этом фоне русинские поговорки *На жидьўські Петра* [21: 156] и *До жидьўських Петрўв – ‘никогда’* [21: 108] выглядят, с одной стороны, национально специфичными, с другой – имеют прямое отношение к восточнославянским представлениям о св. Петре и связанным с ними календарным циклом. И в эту специфику «врывается» закономерность фольклорной «формулы невозможного». По христианским представлениям книжники и фарисеи были гонителями и Иисуса Христа, и его апостолов, одним из любимых был св. Пётр. День «первоверховных» святых Петра и Павла православные и католики отмечают 29 июня (по ст. стилю грегорианского календаря 12 июля). Понятно, что для последователей иудаизма такого праздника в принципе быть не может, что и отразили шуточные русинские обороты. Собственно, именно такое объяснение предлагает И. Франко для закарпатской (с. Горохолин) поговорки *віддам ти на жидівського Петра* [34, 1: 313]: «У жидів Петра нема, значить не віддам ніколи». В русских (псковских) же говорах можно найти и такое шуточное фразеологическое свидетельство популярности св. Петра, как оборот *При Петре-косаре* ‘очень давно, неизвестно когда; никогда’ [22, 15: 307; 31: 60]. О популярности же семантической модели русинских выражений свидетельствуют такие обороты, как *хмельн. на жидівського Юря* и *иван.-фр., львов. віддам довг на жидівське пушіння*, к которым также относится комментарий И. Франко: «Жиди не знають ніякого пушіння; знач. не віддам тобі ніколи» [22, 15: 307; 31: 60].

При всей их оригинальности в других языках можно найти аналогичные фразеологизмы, построенные по универсальной формуле невозможности. Таковы в украинском диалектном пространстве *на рахманський великдень* [19: 267], *полт. до кімлицьких заговін ждати, на кімлицькі заговіни* «никогда не дожждаться» [19: 267], *на рахманський великдень, кировоград. до японської паски, подольск. відкладати до індійської пасхи* ‘зволікати’ [9: 255] и под. Легко увидеть, что в этом ряду названы народы и культуры, не относящиеся к христианской вере: *кімлицький*, например, – это калмыцкий [3, 2: 244]. Ср. также *вин. на кінського Юра (Юрія), як рак свісне* [19: 262] и *одесск. На маленького Юрія (КСРГО)*. Последние два выражения перекликаются с русинским фразеологизмом *Дав Бог Юря, не замерзне куря* [21: 85, 103], которое уже было объектом специального рассмотрения [16].

Популярны подобные фразеологические оксюмороны со значением ‘никогда; неизвестно когда; неопределённо долго; до времени, которое никогда не наступит, до бесконечности (делать что-л., ждать и т. д.)’ и в русской народной речи. Вот выборка из нашего «Большого словаря русских поговорок» [17]: *когда солнце задом оборотится (обернётся); когда солнышко взойдёт от заката; когда восток с*

западом сойдутся; когда Волга вверх потечёт; когда завтра будет вчера; когда песок на камне (по камню) взойдёт; волог. когда волк будет овцой, медведь стадоводником, свинья огородником; когда петух яйцо снесёт; когда сорока побелеет; когда плешак покудрявевает; когда на сосне груши будут... В этом ряду нетрудно найти и поговорки «псевдорелигиозного» характера: *когда чёрт перекрестится; на тот год, когда чёрт умрёт; в Вознесенье, когда будет оно в воскресенье; когда воскресенье будет в субботу; В понедельник после среды; новг. на Куликов день; влад. ни в отрод Божий.*

Один из самых популярных фразеологизмов такого ряда включает слово *заговенье* (от *говеть* – ‘поститься’). По православной традиции так называют последний день перед длительным постом, когда верующим ещё разрешено употреблять скоромную (т. е. мясную или молочную) пищу. В этот день обильно ели и веселились в преддверии ограничений и запретов, налагаемых постом (особенно Великим постом). Понятно, что в *заговенье* есть простую растительную пищу нелогично и соединение слова *заговенье* с «постной» *морковкой* осознавалось как шутивная «формула невозможного». Отсюда такие выражения, как *прост. на морковкино заговенье* [6: 343, 477; 12: 210]; *волг., ряз. (Мещ.), селигер., сиб. до морковкиного (морковкина) заговенья* [13: 184; 35: 76]; *прост. до морковного заговенья; онеж. до маковкина заговенья; пенз. до собачьего заговенья* [32: 39, 142]; *морд. после русалкиного (русальского)* [12: 210]; *кубан. на калмыцкий заговень* [32, 10: 13]; *коми. до моржова заговня* [8: 67]; *новг. кошкины заговенья* ‘о том, что никогда не осуществится’ [32, 15: 150]; *горьк. до скорого заговенья* ‘до свидания’. Конечно, эта «формула невозможного» возникла по модели наименований церковных праздников и обрядов типа *до Филиппова заговенья* [2: 63–64]. Ср.: *смол. Масленские заговини* ‘последняя неделя перед великим постом’; *Маслено заговено* ‘то же’ [32, 18: 12].

По образности и структурно-семантической модели к русинскому *на жидьўські Петра*, пожалуй, ближе всего русские выражения *на русский Байрам* и *на турецкую Пасху*. Будучи диалектически противоположными по внутреннему смыслу, они в то же время отражают шутивное восприятие «формулы невозможности» на религиозную тематику разных конфессий. *Байрам*, или *ураза-байрам*, – это «праздник разговенья, окончания поста» в мусульманском календаре. Выражение, следовательно, оксюморон, основанный на логической невозможности мусульманского религиозного праздника у христиан, как и невозможности русинского *жидівського Петра*. Такая же парадоксальная невозможность закодирована и в обороте *на турецкую Пасху*, поскольку христианский праздник Пасха, или Светлое

Христово Воскресение, установленный в честь воскресения Иисуса, не может быть у мусульман. Ведь для православных он – «праздник праздников и торжество из торжеств».

Как мы видели, шутливая «фольклорная формула» невозможности универсальна. Она показывает, что даже таким идеологически «маркированным» выражениям, как русинское, можно найти параллели и в других языках. При всей универсальности русинский народный фразеологизм, тем не менее, сохраняет свою национальную специфичность. Основываясь на общехристианском образе, он отражает присущую ему в Закарпатье календарную семантику, которая на фоне ее противопоставления с иной темпоральной традицией и рождает «оксюморон в действии».

Примечание

1. В целях экономии места точные данные об источниках (в сокращении) читатель найдёт в нашем словаре: Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц / под общ. ред. проф. В.М. Мокиенко. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с. Такие источники приводятся без квадратных скобок.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богатырев П.Г.* Формула невозможного в славянском фольклоре // Славянский филологический сборник. Уфа, 1962. С. 347–363.

2. *Гвоздарев Ю.А.* Основы русского фразеобразования. Ростов н/Д, 1977. 184 с.

3. *Грінченко Б.Д.* Словарь української мови. Т. 1–4. Київ, 1909, 1969, 1997 та ін.

4. *Даль В.И.* Пословицы русского народа. М.: Художественная литература, 1957. 992 с.

5. *Зимин В.И., Спирин А.С.* Пословицы и поговорки русского народа. М.: Сюита, 1996. 544 с.

6. *Керча І.* Русинсько-російський словник: у 2 т. Понад 58 000 слів. Русинско-русский словарь: в двух томах. Свыше 58 000 слов. Т. 1 (А–Н). 608 с. Т. 2 (О–Я). 608 с. Ужгород: ПолиПринт, 2007.

7. *Кобелева И.А.* Фразеологический словарь русских говоров республики Коми. Сыктывкар: изд-во Сыктывкарского ун-та, 2004. 312 с.

8. *Коваленко Н.Д.* Фразеологічний словник подільських і суміжних говірок. Кам'янець-Подільський: ТОВ «Рута», 2019. 412 с.

9. *Коваль В.И.* Язычество в языке и тексте. Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2021. 285 с.

10. *Королева Е.Е.* Диалектный словарь одной семьи (Пыталовский район Псковской области). Daugavpils: dpu Izdevnieciba „Saule“, 2000. Ч. 1. 139 с.; Ч. 2. 123 с.
11. *Мокиенко В.М.* Образы русской речи. М.: Изд-во ЛГУ, 1986. 278 с.
12. *Мокиенко В.М.* Славянская фразеология. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1989. 287 с.
13. *Мокиенко В.М.* Образы русской речи. 3-е изд., испр. М.: Флинта; Наука, 2007. 462 с.
14. *Мокиенко В.М.* Праславянский след в русинской лексике и паремииологии: потя // Русин. 2021. № 66. С. 119–148. doi: 10.17223/18572685/66/8
15. *Мокиенко В.М.* Из паремииологического наследия русинского языка (орнитоним куриця, курка) // Русин. 2022. Т. 68. С. 184–207. doi: 10.17223/18572685/68/9
16. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений / под общ. ред. проф. В.М. Мокиенко. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 784 с.
17. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К.* Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц / под общ. ред. проф. В.М. Мокиенко. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.
18. *Номис М.* Українські приказки, прислів'я і таке інше: Зб. О.В. Марковича і других / Спорудив М. Номис. СПб., 1864.; 3-е вид. Київ: Либідь, 1993. 766 с.
19. *Онишкевич М.Й.* Словник бойківських говірок. Ч. 1. 495 с.; Ч. 2. 515 с. Київ: Наукова думка, 1984.
20. *Пол Д.* Русинско-украинско-русский и русско-русинско-украинский фразеологические словари. Ужгород, 2011. 241 с.
21. Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кнігах. Складанне, сістэматызацыя тэкстаў, ўступны артыкул і каментарыі М.Я. Грынבלата. Т. 1. 560 с.; т. 2. 616 с. Мінск: Навука і тэхніка, 1976.
22. Псковский областной словарь с историческими данными. Основан Б.А. Лариным. Вып. 1–28. Л.; СПб.: Изд-во ЛГУ–СПбГУ, 1967–2020. (издание продолжается)
23. Прислів'я та приказки / упорядник М.М. Пазяк. Київ: Наукова думка. Т. 1: Природа. Господарська діяльність людини. 1989. 479 с.; Т. 2: Людина. Родинне життя. Риси характеру. 1990. 524 с.; Т. 3: Взаємини між людьми. 1991. 440 с.; Т. 4: Українські прислів'я, приказки та порівняння з літературних пам'яток. 2001. 392 с.
24. *Ринкер Ф., Майер Г.* Библиейская энциклопедия Брокгауза: Christliche Verlagsbuchhandlung Paderborn, 1999. 1089 с.
25. *Рошияну Н.* Традиционные формулы сказки. М., 1974. 215 с.
26. *Рыбникова М.А.* Русские пословицы и поговорки. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 230 с.

27. *Рязановский Л.М.* Идеографические аспекты немецкой фразеологии (темпоральная фразеология). СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 199 с.
28. *Сабодош И.* Словник закарпатської говірки села Сокирниця Хустського району. Ужгород: Ліра, 2008. 480 с.
29. Славянские древности. Этнолингвистический словарь под редакцией Н.И. Толстого. Т. 1: А–Г. М.: Международные отношения, 1995. 584 с.; Т. 2: Д–К (Крошки). М.: Международные отношения, 1999. 697 с.; Т. 3: К (Круг) – П (Перепёлка). М.: Международные отношения, 2004. 704 с.; Т. 4, 5. М.: Международные отношения, 2013.
30. *Соколова М.И.* Народная мудрость. Пословицы и поговорки. Новосибирск: ЗАО ИПП «Офсет», 2009. 622 с.
31. Словарь псковских пословиц и поговорок / сост. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина; науч. ред. Л.А. Ивашко. 13 000 единиц. СПб.: Норинт, 2001. 176 с.
32. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова; гл. ред. С.А. Мызников. Вып. 1–52. Л.; СПб., 1965–2021. (издание продолжается).
33. *Толстая С.М.* Наблюдения над сербскими заговорами: формулы аномальности // Славянский мир в настоящем и прошлом. Памяти Владимира Павловича Гудкова. М.: МАКС Пресс, 2022. С. 151–158.
34. *Франко І.* Галицько-руські приповідки: у 3 т. / зібрав, упорядкував і пояснив д-р Іван Франко. Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка, 2006. (Первое издание: 1901–1909 гг.).
35. ФСС: Фразеологический словарь русских говоров Сибири / сост. Л.Г. Панин, Л.В. Петропавловская, А.И. Постнова, А.И. Федоров; под ред. А.И. Федорова. Новосибирск: Наука, 1983. 232 с.
36. *Bachmannová Ja, Suksov V.* Jak se to řekne jinde. česká přísloví a jejich jinojazyčné protějšky. Praha: EUROMEDIA – Knižní klub, 2008. 1. vyd. 384 s.
37. *Čelakovský F.L.* Mudrosloví národu slovanského ve příslovích. Připojena jest sbírka prstonárodních českých pořekadel. Uspořádal a vydal František Lad. Čelakovský. Praha: nakl. Vyšehrad, 1949. 922 s. (1-e изд. 1852).
38. *Flajšhans V.* Česká přísloví. Sbíрка přísloví, přípovědek a pořekadel lidu Českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku. Díl I. Přísloví staročeská. Díl I (A–N), díl II (O–Ru). Praha: Česká akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění, 1911–1913; 2-é, rozšířené vydání. Předmluva V. Mokienko, komentáře V. Mokienko, L. Stěpanova. Editors Valerij Mokienko, Ludmila Stěpanova. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2013.
39. *Taylor A.* Locutions for ‘Never’ // Romance Philologie. 1948–1949. N2. P. 103–134.
40. *Záturecký A.P.* Slovenské príslovia, porekadlá a úslovia. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry. 394 s.

REFERENCES

1. Bogatyrev, P.G. (1962) Formula nevozmozhnogo v slavyanskom fol'klore [The formula of the impossible in Slavic folklore]. In: Barag, L.G. (ed.) *Slavyanskiy filologicheskii sbornik* [Slavic Philological Collection]. Ufa: BSU. pp. 347–363.
2. Gvozdarov, Yu.A. (1977) *Osnovy russkogo frazooobrazovaniya* [Basics of Russian Phrase Formation]. Rostov on Don: Rostov State University.
3. Grinchenko, B.D. (1909, 1969, 1997 etc.) *Slovar' ukrains'koi movi* [The Dictionary of Ukrainian Language]. Kyiv: [s.n.].
4. Dal', V.I. (1957) *Poslovitsy russkogo naroda* [Proverbs of the Russian People]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
5. Zimin, V.I. & Spirin, A.S. (1996) *Poslovitsy i pogovorki russkogo naroda* [Proverbs and Sayings of the Russian People]. Moscow: Syuita.
6. Kercha, I. (2007). *Rusin'sko-rosiys'kiy slovnik: u 2 t.* [Rusin-Russian Dictionary]. Uzhhorod: PoliPrint.
7. Kobeleva, I.A. (2004) *Frazeologicheskii slovar' russkikh govorov respubliki Komi* [A Phraseological Dictionary of Russian Dialects of the Komi Republic]. Syktyvkar: Syktyvkar State University.
8. Kovalenko, N.D. (2019) *Frazeologichnyi slovnik podil'skikh i sumizhnikh govirok*. Kamyanets-Podilsky: Ruta.
9. Koval, V.I. (2021) *Yazychestvo v yazyke i tekste* [Paganism in Language and Text]. Gomel: GSU named after F. Skorina.
10. Koroleva, E.E. (2000) *Dialektnyy slovar' odnoy sem'i (Pytalovskiy rayon Pskovskoy oblasti)* [A Dialect Dictionary of One Family (Pytalovsky district of the Pskov Region)] Daugavpils: Saule.
11. Mokienko, V.M. (1986) *Obrazy russkoy rechi* [Images of Russian Speech]. Moscow: Leningrad State University.
12. Mokienko, V.M. (1989) *Slavyanskaya frazeologiya* [Slavic Phraseology]. 2nd ed. Moscow: Vysshaya shkola.
13. Mokienko, V.M. (2007) *Obrazy russkoy rechi* [Images of Russian Speech]. 3rd ed. Moscow: Flinta; Nauka.
14. Mokienko, V.M. (2021) Proto-Slavic trace in Rusin lexis and paremiology: *potya*. *Rusin*. 66. pp. 119–148 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/66/8
15. Mokienko, V.M. (2022) From paremiological heritage of the Rusin language (ornithonyms 'kuritsya', kurka). *Rusin*. 68. pp. 184–207.
16. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2008) *Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok* [Large Dictionary of Russian Proverbs]. Moscow: OLMA Media Grupp.
17. Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. & Nikolaeva, E.K. (2010) *Bol'shoy slovar' russkikh poslovits* [Large Dictionary of Russian Proverbs]. Moscow: OLMA Media Grupp.
18. Nomis, M. (1993) *Ukrains'ki prikazki, prisliv'ya i take inshe*. Kyiv: Libid'.
19. Onishkevich, M.Y. (1984) *Slovník bojkiv'skikh govirok*. Kyiv: Naukova dumka.

20. Pop, D. (2011) *Rusinsko-ukrainsko-russkiy i russko-rusinsko-ukrainskiy frazeologicheskie slovari* [Rusin-Ukrainian-Russian and Russian-Rusin-Ukrainian Phraseological Dictionaries]. Uzhhorod: [s.n.].

21. Grynblat, M.Ya. (ed.) (1976) *Prykazki i prymauki ŷ dzvyukh knigakh* [Proverbs and sayings in two books]. Minsk: Navuka i tekhnika.

22. Larin, B.A. (ed.) (1967–2020) *Pskovskiy oblastnoy slovar' s istoricheskimi dannymi* (1967–2020) [The Pskov Regional Dictionary with Historical Data]. Leningrad, St. Petersburg: LSU–SPbSU.

23. Pazyak, M.M. (ed.) (1989–2001) *Prislív'ya ta prikazki* [Proverbs and Sayings]. Kyiv: Naukova dumka.

24. Rineker, F. & Mayer, G. (1999) *Bibleyskaya entsiklopediya Brokgauza* [The Brockhaus Biblical Encyclopedia]. Paderborn: Christliche Verlagsbuchhandlung.

25. Roshianu, N. (1974) *Traditsionnye formuly skazki* [Traditional fairy tale formulas]. Moscow: Nauka.

26. Rybnikova, M.A. (1961) *Russkie poslovitsy i pogovorki* [Russian Proverbs and Sayings]. Moscow: USSR AS.

27. Ryazanovskiy, L.M. (1997) *Ideograficheskie aspekty nemetskoj frazeologii (temporal'naya frazeologiya)* [Ideographic Aspects of German Phraseology (Temporal Phraseology)]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

28. Sabadosh, I. (2008) *Slovník zakarpats'koi govorki sela Sokyrnitsya Khust'skogo rayonu* [Dictionary of the Transcarpathian Dialect of the village Sokyrnitsya, Khust district]. Uzhhorod: Lira.

29. Tolstoy, N.I. (ed.) (1995–2013) *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvističeskij slovar'* [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

30. Sokolova, M.I. (2009) *Narodnaya mudrost'. Poslovitsy i pogovorki* [Folk Wisdom. Proverbs and Sayings]. Novosibirsk: Ofset.

31. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2001) *Slovar' pskovskikh poslovits i pogovork* [Dictionary of Pskov Proverbs and Sayings]. St. Petersburg: Norint.

32. Filin, F.P. & Sorokoletov, F.P. (ed.) (1965–2021) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Leningrad – St. Petersburg: Nauka.

33. Tolstaya, S.M. (2022) Nablyudeniya nad serbskimi zagovorami: formuly anomal'nosti [Observations on Serbian Charms: Formulas of Anomaly]. In: Yakushkuna, E.I. (ed.) *Slavyanskiy mir v nastoyashchem i proshlom. Pamyati Vladimira Pavlovicha Gudkova* [Slavic World in the Present and Past. In memory of Vladimir Gudkov]. Moscow: MAKSS Press. pp. 151–158.

34. Franko, Í. (2006). *Galits'ko-rus'ki pripovidki: u 3 t.* [Galician-Russian sayings. In 3 vols]. Lviv: LSU.

35. Panin, L.G., Petropavlovskaya, L.V., Postnova, A.I. & Fedorov, A.I. (1983) *Frazeologicheskiy slovar' russkikh govorov Sibiri* [FSS: Phraseological Dictionary of Russian Dialects of Siberia]. Novosibirsk: Nauka.

36. Bachmannová, Ja. & Suksov, V. (2008) *Jak se to řekne jinde. česká přísloví a jejich jinojazyčné protějšky*. Praha: EUROMEDIA – Knižní klub.

37. Čelakovský, F.L. (1949) *Mudrosloví národu slovanského ve příslovích. Připojena jest sbírka prstonárodních českých pořekadel*. Praha: nakl. Vyšehrad.

38. Flajšhans, V. (2013) *Česká přísloví. Sběrka přísloví, příslovídek a pořekadel lidu Českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku*. 2nd ed. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci.

39. Taylor, A. (1948–1949) Locutions for 'Never'. *Romance Philologie*. 2. pp. 103–134.

40. Záturecký, A.P. (n.d.) *Slovenské príslovia, porekadlá a úslovia*. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo krásnej literatury.

Мокиенко Валерий Михайлович – доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Valerii M. Mokienko – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: mokienko40@mail.ru

Никитина Татьяна Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Tatiana G. Nikitina – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: cambala2007@yandex.ru